

тельскіе взгляды»), съ своимъ юміамомъ «безсознательному» творчеству,—противорѣчіе, въ которомъ его, чуткой къ нравственнымъ вопросамъ, душѣ, его совѣсти, никакъ не давалось примиреніе двухъ такихъ вещей, какъ учительство съ одной стороны, и «неумѣніе отвѣтить на самый простой въ нравственномъ смыслѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственно-важный вопросъ жизни—что хорошо, что дурно»—съ другой. «...И вотъ не зная этого единственнаго важнаго въ жизни, не зная добра и зла, чему-то кого-то учили, кричали, не слушая другъ друга... И я, смутно чувствуя ложь эту, страдаль, но не имѣлъ духа отречься отъ чина учителя и гордость моя, и сумасшедшаяувѣренность, что я призванъ учить людей самъ не зная чему, все болѣе, и болѣе развивалась... («Исповѣдь»).

Да, странное, въ самомъ дѣлѣ, трагическое зрѣлище!... Мы все предусмотрѣли въ эстетическихъ вопросахъ таланта и его развитія, мы пишемъ цѣлые этюды по психологіи художественнаго творчества, мы уясняемъ законы истинно-художественнаго творчества, различія свободнаго и несвободнаго, объективнаго и тенденціознаго, мы окунаемся въ волны вѣковѣчныхъ дебатовъ о преимуществахъ теорій чистаго искусства, искусства для искусства и ей противоположной и т. д. Мы не предусмотрѣли лишь того трагикомического положенія, въ которомъ можетъ очутиться, въ одинъ прекрасный день, художникъ въ родѣ Гоголя или гр. Толстого, пожелающій, вооруженный нравственными требованіями своей совѣсти, выяснить послѣдней нравственное значеніе и смыслъ натвержденныхъ ему, чуть не съ дѣтства, выраженій «безсознательного учительства», или потребовать отчета въ такихъ двухъ, морально исключающихъ другъ друга, положеніяхъ господина поэта-учителя, художника-учителя какъ то, съ одной стороны, при которомъ этотъ «учитель» яв-